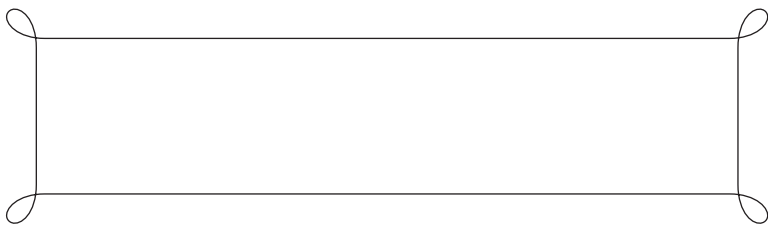

СОДЕРЖАНИЕ

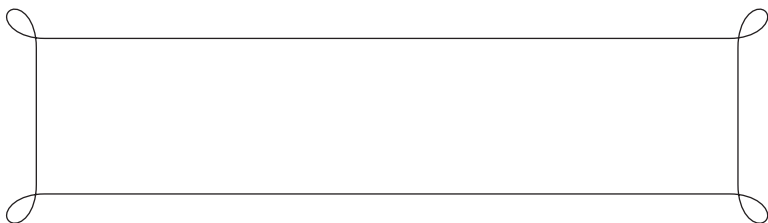
Глава первая	7
Глава вторая	25
Глава третья	41
Глава четвертая	57
Глава пятая	84
Глава шестая	96
Глава седьмая	125
Глава восьмая	132
Глава девятая	141
Глава десятая	154
Глава одиннадцатая	172
Глава двенадцатая	196
Глава тринадцатая	217
Глава четырнадцатая	234
Глава пятнадцатая	244
Глава шестнадцатая	253
Глава семнадцатая	262

Роман «Учитель Гнус» вышел в свет в 1905 году в Мюнхене, в издательстве «Albert Langen». На русском языке был впервые опубликован в 1910 году сразу в двух изданиях: под названием «Мелкий бес» в переводе В. М. Фриче (М., «Современные проблемы») и «Конец тирана» в переводе В. Корякина (М., Изд-во Саблина). Кроме того, существуют еще два перевода на русский язык: С. Уманской (Гослитиздат, М. 1937) и Наталии Ман (Гослитиздат, М. 1958). В настоящем издании публикуется в переводе Наталии Ман.

Относительно названия романа необходимо добавить следующее. В двадцатые годы по роману был поставлен фильм под названием «Голубой ангел» (режиссер И. фон Штернберг, сценарий К. Цукмайера, в главных ролях популярные актеры Эмиль Яннингс и Марлен Дитрих). Учитывая всемирный успех фильма, который познакомил с содержанием романа огромную аудиторию зрителей, Генрих Манн позволил уговорить себя выпустить в свет очередное издание романа (после второй мировой войны) под заго-

ловком, приспособленным к названию фильма. Так, «Учитель Гнус» дважды появился на книжном рынке в качестве «Голубого ангела» («Der blaue Engel») в Берлине, изд-во «Weichert», 1947; и в Штутгарте, изд-во «Rowohlt», 1947. Однако в наиболее авторитетном собрании сочинений Генриха Манна, изданном по поручению немецкой Академии искусств в Берлине, было восстановлено прежнее название.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фамилия его была Нусс, но вся школа называла его Гнусом. Ничего удивительного в этом не было. Прозвища учителей время от времени менялись. Обновленный состав класса кровожадно открывал в учителях комические черты, недостаточно оцененные прошлогодними учениками, и спешил заклеить их метким словечком. Но Гнус назывался Гнусом во многих поколениях; к этому прозвищу привык весь город, коллеги иначе не именовали его вне стен гимназии, и даже в ее стенах, едва только он поворачивался к ним спиной. Учителя, державшие у себя на хлебников-гимназистов и следившие за их домашними занятиями, не стеснялись говорить об учителе Гнусе. Если бы какой-нибудь бойкий малый, внимательно присмотревшись к наставнику шестого класса, вдруг вздумал окрестить его новым именем, из этого бы ровно ничего не вышло хотя бы уж потому, что привычное прозвище и сейчас бесило старого учителя не меньше, чем двадцать шесть лет назад. Достаточно было при его появ-

лении на школьном дворе кому-нибудь крикнуть: «Да ведь здесь пахнет какой-то гнусью!» или: «Ой-ой-ой! Что за гнусная вонь!» — старик тут же вздергивал плечо, всегда правое, которое и без того было выше левого, и бросал из-под очков косою взгляд на крикуна. Гимназисты считали этот взгляд коварным, на деле же он был только трусливым и мстительным — взгляд тирана с нечистой совестью, ищущий кинжал в складках любого плаща. Одеревенелый подбородок Гнуса с жидкой бурой бородачкой начинал ходуном ходить. Не имея возможности «уличить» крикуна, он поневоле пробирался дальше на своих тощих, искривленных ногах, глубже нахлобучив на лоб засаленную фетровую шляпу.

В прошлом году в день Гнусова юбилея гимназисты устроили факельное шествие к его дому. Он вышел на балкон и стал держать речь. И в то время, как все, задрав головы, смотрели на него, вдруг раздался чей-то противный скрипучий голос:

— Какой гнусный воздух!

Другие тотчас же откликнулись:

— Да, пахнет гнусью! Пахнет гнусью!

Учитель там, наверху, хотя предвидевший возможность такого происшествия, стал запинаться и смотреть крикунам прямо в открытые рты. Коллеги его стояли неподалеку; он чувствовал, что опять ему никого «уличить» не удастся, но запомнил все имена. Уже на следующий день учитель заверил юнца со скрипучим голосом, не знавшего, как называется деревня, где родилась Орлеанская

дева¹, что он еще не раз сумеет «подпортить» жизнь такому нерадивому ученику. И правда, этот Кизелак остался на второй год, а заодно с ним и почти все, кто кричал тогда, на юбилее, к примеру, фон Эрцум. Ломан, правда, не кричал, но все-таки остался. Ломан облегчил задачу Гнуса своей леностью, Эрцум — отсутствием способностей. И вот поздней осенью, в одиннадцать часов утра, на перемене, предшествовавшей классному сочинению об Орлеанской деве, фон Эрцум, который и поныне был с нею не в ладах и потому предвидел катастрофу, в приступе мрачного отчаяния распахнул окно и дурным голосом крикнул в туман:

— Гнус!

Он не знал, во дворе ли учитель, да, собственно, этим и не интересовался. Бедняга, недоросль из помещичьих сынков, просто поддался желанию еще хоть на миг дать волю своим легким, прежде чем на два часа усесться перед белым листом бумаги, пустым листом, который ему предстояло заполнить словами, выжатыми из пустой головы. На

¹ Орлеанская дева — Жанна (Иоанна) д'Арк (1412–1431) — национальная героиня Франции из эпохи так называемой Столетней войны (1337–1453). Семнадцатилетняя крестьянка из лотарингской деревни Дом-Ремми возглавила освободительную борьбу против англичан, вторгнувшихся в то время в ее страну. Этому событию Фридрих Шиллер посвятил романтическую трагедию «Орлеанская дева» (1801), входившую в обязательную программу для классических гимназий.

беду, Гнус в это время шел по двору. Услышав крик из окна, он подскочил как ужаленный. Сквозь туман ему удалось различить контур коренастой фигуры фон Эрцума. Внизу не было никого из гимназистов, следовательно, и возглас ни от кого другого исходить не мог. «На сей раз, — торжествуя, подумал Гнус, — он имел в виду меня, и я поймал его с поличным». В несколько прыжков он взбежал по лестнице, рванул классную дверь, торопливо прошел между скамеек и, вцепившись ногтями в кафедру, взобрался на ее ступеньки. Там он остановился и перевел дыхание. Гимназисты встали, чтобы приветствовать его, и многоголосье шум вдруг переплеснулся в почти оглушающее молчанье. Мальчики смотрели на своего наставника, как на опасное разъяренное животное, которое они, к несчастью, не вправе прикончить и на чьей стороне в данный момент имеется перевес. Грудь учителя бурно вздымалась; наконец он проговорил сдавленным голосом:

— Мне вслед опять выкрикнули некое слово, прозвище, суммируя — кличку, которую я впредь сносить не намерен. Я не потерплю такого издевательства со стороны людей, подобных вам, а вас я уже узнал, извольте это запомнить! Я буду ловить вас с поличным, где только смогу. Не говоря уже о том, что ваша испорченность, фон Эрцум, внушает мне брезгливое чувство, она теперь разобьется вдребезги о непреклонность принятого мною решения, извольте запомнить! Я сегодня же доложу господину директору о вашем поступке

и сделаю все от меня зависящее, чтобы, — ясно, как божий день, — в стенах нашей гимназии больше не находились столь презренные подонки человеческого общества.

С этими словами он сбросил с себя шинель и прошипел:

— Сесть!

Весь класс сел, только фон Эрцум продолжал стоять. Его толстое веснушчатое лицо было таким же огненно-красным, как и щетина на его голове. Он хотел что-то сказать, открывал рот, но язык ему не повиновался. Наконец он выпалил:

— Это не я, господин учитель!

Несколько голосов дружно и самоотверженно поддержали его:

— Это не он!

Гнус затопал ногами:

— Молчать!.. А вы, молодой человек, — извольте принять к сведению, — не первый носитель имени фон Эрцум, которому я испортил карьеру; будьте уверены, что в дальнейшем я сумею если не окончательно сорвать ваши планы, то, во всяком случае, изрядно затруднить вам осуществление таковых. Вы, кажется, хотите стать офицером, фон Эрцум? Ваш дядюшка тоже этого хотел. Но поскольку он никак не мог дойти до конца соответствующего класса и ему всякий раз отказывали — прошу заметить — в аттестате зрелости, необходимом для поступления в вольноопределяющиеся, то он поступил в подготовительную школу, где тоже не справился с ученьем, и лишь

благодаря особой милости государя ему открылась наконец военная карьера, которую он, впрочем, вскоре вынужден был прервать. Пойдем дальше! Судьба вашего дяди, фон Эрцум, станет и вашей судьбой, во всяком случае будет сходствовать с нею. Желаю вам успеха на этом поприще, фон Эрцум. Мое суждение о вашей семье остается неизменным уже в продолжение пятнадцати лет... А теперь... — Голос Гнуса сделался замогильным. — Вы недостойны своим бездушным пером марать возвышенный облик девы, к воссозданию которого мы сейчас приступим. Марш отсюда — в каталажку!

Тугодум фон Эрцум продолжал слушать. От чрезмерного внимания он бессознательно повторял движение челюстей учителя. Когда Гнус говорил, его нижняя челюсть, в которой торчало несколько желтых зубов, точно на шарнирах, двигалась между одеревенелыми складками, залегшими около рта, так что слюна брызгала на передние парты. Он заорал:

— Да как вы смеете, мальчишка!.. Вон, говорят вам, в каталажку!

Фон Эрцум встрепенулся и стал выбираться из-за парты. Кизелак прошептал ему вслед:

— Да защищайся же, дружище!

Ломан, сидевший сзади, приглушенным голосом пообещал:

— погоди, мы его еще укротим.

Осужденный прошмыгнул мимо кафедры в тесную и темную — хоть глаз выколи — комнатуш-

ку, служившую классной раздевальной. У Гнуса вырвался стон облегчения, когда широкая фигура фон Эрцума исчезла за дверью.

— Теперь нам нужно наверстать время, похищенное у нас этим мальчишкой. Вот вам тема, Ангст, напишите ее на доске.

Первый ученик близорукими глазами вгляделся в записку и принялся неторопливо писать. Все напряженно следили за буквами, которые выводил мелок и от которых столь многое зависело. Если это окажется сцена, которую тот или иной ученик случайно не «вызубрил», тогда он «пропал», «завалился». И еще до того, как слоги на доске приобрели смысл, все из суеверия бормотали:

— Господи, я завалился!

Наконец на доске уже можно было прочесть: «Иоанна. Ты произнес пред богом три молитвы... (Орлеанская дева, действие первое, явление десятое.) Тема: третья молитва короля»¹.

Прочитав эти слова, все переглянулись. «Завалились» все. Гнус всех «сцапал». Криво усмехнув-

¹ Проникнув ко двору французского короля Карла VII, Иоанна в доказательство своей божественной миссии рассказывает ему содержание его молитв. В первой король просит бога покарать его в случае, если французский трон незаконно достался его предкам. Во второй король молит о том, чтобы всевышний, если Карлу суждено утратить престол, сохранил ему три блага; спокойствие души, друзей и возлюбленную. Пораженный пронизательностью Иоанны, король останавливает ее, и третья молитва остается неизвестной читателю.